

"ТРОИЦА" РУБЛЁВА. Блаженное созерцание. Неотмирные цвета. Цвет бесконечного неба, что возникло во второй день творения. Цвет земной персти, из которой был создан человек. Цвет немеркнущего золота, что волхвы принесли в дар Богомладенцу. Цвет испускительной крови. И какой-то ещё — невыразимый, неизъяснимый, слова которому нет. В этом цвете — Дух, этот цвет на иконе во всём.

Плавная линия не знает разрывов. Кажется, коснувшись доски, иконописец не опускал кисть. Быть может, вёл линию от жертвенной чаши к ангельским дланям, ликам, крылам, древу. А может быть, от древа к горе, нимбам, трапезному столу. Но эта линия в пределах иконы не заканчивается: она продолжается в миру, очерчивает тебя, твой дом, твоё Отечество, длит линию горизонта, ведёт к вечности ось времени. Линия рождает неупиваемую чашу, подобную той, что стоит между ангелами. Весь мир — чаша.

Храмина, дуб, скала — всё являет опору и твердьню, рост и созидание. Возводи, взращивай, возводи. Готовься принять путников.

А ещё перед тобой то, что не вместиимо в сознание: предвечный совет о сотворении мира, его жертвенном спасении и жизни в Духе. Сотворение, спасение, вечная жизнь вне земной череды — они не следуют друг за другом, они одновременны. Здесь время ещё и не родилось, нет ни начала, ни предела, ни жизни, ни смерти. Но уже ведомо, что жизнь и смерть будут, и ведомо, что будет бессмертие.

Ты смотришь на икону, икона взирает на тебя. Что она видит? Боль, уныние, скверну. Но святая от тебя не отстраняется, ангелы не отводят очей. Икона врачует: утоляет печали, исцеляет недуги. Одолевает самое тёмное, тлетворное — то, что досталось всем нам от первого человека после грехопадения в райском саду. Икона одолевает в тебе смерть.

Я много раз видел рублёвскую "Троицу" в Третьяковской галерее. В том зале, где святыни стали экспонатами. Свидетели далёких веков, создания великих мастеров, явления кроткой красоты, они тяготились искусствоведческим интересом к себе, тосковали в мирской суете, в празднословии, в холодном электрическом свете. Иконам хотелось молитв, песнопений, тихого, тёплого мерцания свечей, благовоного каждения, крестных знамений. Иконы ощущали на себе брэнность всего земного: краски меркли, надписи блекли, дерево ветшало.

Но с "Троицей" было иначе. Она не поддавалась земному, не подавалась смерти. От неё исходил всепобеждающий свет, способный превратить выставочный зал в храм, собрать развешенные по разным стенам иконы в единый иконостас. Всё кругом преобразалось: музейные работники уподоблялись хранителям ризницы, мирские картины в соседних залах обретали духовную высоту. Художники строгого классицизма, передвижники и модернисты стремились напитаться животворным светом "Троицы". Рокотов и Левиц-

кий, Иванов и Васнецов, Репин и Шишкин, Коровин и Врубель умоляли преподобного Андрея: "Возьми нас в свою артель хотя бы кисти мить, только позволь быть сопричастными этой неизбывной жизни".

Я видел "Троицу" в храме Христа Спасителя, где она пребывала несколько дней накануне своего возвращения в родную обитель. Икона освобождалась от праздного и суетного, легко дышала. Бесконечной вереницей шли жаждущие, молитвенно обращались к святому образу, словно припадали к живоносному источнику. Три ангела причащали паломников из чаши, наделяли их чем-то таинственным, отчего отступала тьма.

Я БЫЛ СВИДЕТЕЛЕМ возвращения иконы в Троице-Сергиеву лавру. От лаврских врат монастыряющие неспешно несли святыню к Троицкому собору. Несли так, словно боялись колыхнуть листву неувядающего дуба, потревожить крылья ангелов, расплескать кровь жертвенного тельца. В какой-то момент показалось, что воздух вокруг идущих задрожал, возникло марево, подобное тому, что возникает вблизи костра или над степью в знойный летний день. В этот миг время преломилось, изменило

сущее. Говорила словами Христа, что проповедовал, исцелял, изгонял бесов, что молился в Гефсиманском саду, стenal на кресте, что после воскресения спрашивал отрёкшегося ученика: "Любишь ли меня?" Слово было святым Духом, сошедшим на апостолов и сделавшим их всеязыкими. Икона была словом, речением, но от неё же исходило благое молчание. Достоевский вбирал его в свой словарь, вкладывал в уста князя Мышкина и старца Зосимы.

На икону смотрел философ Павел Флоренский. Он когда-то мечтал умереть на закате, потому что видел в "Троице" тихий, нежный закятный свет — свет умиротворения, благоденствия. Видел, как в "Троице" свет закятный, миную ночную тьму, обращается в свет предутренний. Прозревал, что русская икона способна одолевать мрак. Способна являть путь не от жизни к смерти, а от смерти к жизни — обратную перспективу. Всё в мироздании шло не к гибели, а от неё. Всё шло к Богу. "Если есть "Троица" Рублёва — значит, есть Бог", — тихо говорил Флоренский.

На икону смотрели искусствоведы Третьяковки — те, кто спасал святыню, вывозя её в Новосибирск в пору Великой Отечественной войны, сберегая, как секретное

миллионов. Но этот один сдюжил: снял с Земли её скорбь, как потемневший слой с древней иконы, — и планета преобразилась, засияла небесными красками рублёвской "Троицы". "Нет, я не первый, кто увидел Землю с высоты. Я второй после Рублёва", — думал Гагарин.

"Троица" взирала на созерцающих и становилась житийной иконой, иконой предвечной России, иконой Русского бессмертия. "Троица" чудотворила.

Я ПОМНЮ ОДНУ особую паломническую группу, что пришла в Троицкий собор вскоре после возвращения иконы. Это были участники СВО. Их привезли из военного госпиталя. У каждого было тяжёлое увечье. Кто-то, лишившись ноги, шёл, опираясь на костыли. Кто-то хромал, привыкая к протезу. Кто-то был с пустым рукавом. Иных катили в инвалидных колясках. У кого-то вместо глаза был безжизненный стеклянный протез. Кто-то нуждался в поводыре. Кто-то старался спрятать от окружающих обезображенное лицо. Но увечья и немощь оказались не самым страшным.

Каждый из этих паломников был отмечен смертью. Она вьелась в них, как краска въедается в кожу, она сидела у них на плечах "веком-волкодавом", она чёрно-красным следом тянулася за ними с фронта. И вот неотступная смерть проникла в собор, в лавру, в город. Казалось, когда выйдешь из храма, тоже увидишь кругом костыли, инвалидные коляски, протезы. Увидишь, что война настигла всех.

Бойцы смотрели на "Троицу", прикладывались к мощам преподобного Сергия: суровые лица становились мягче, теплее, но тьма не сдавалась. "Троица" страдала вместе с воинами. Три ангела вычерпывали из людей смерть. Икона принимала смертоносный удар на себя, отчего, казалось, темнела, становилась вновь такой, какой была до раскрытия авторского слоя.

И вдруг в храм вошли жених и невеста. Видимо, только что обвенчавшиеся, они спешили к раке преподобного. Невеста в белом платье порхала, словно голубь, спустившийся во время крещения Христа. За ней, озаряя всё вокруг, тянулся благодатный свет. Он пролился на "Троицу" — и снова проступила рублёвская синева. Он пролился на тёмные росписи собора, и они явили такую же небесную чистоту. Всё вокруг засияло красками "Троицы". Смерть вновь была побеждена жизнью.

"Троица" — наше великое прозрение. Не реставраторы однажды добрались до авторского слоя, а ты сегодня сорвал со своих глаз пелену, счистил с души коросту, затеплил в сердце лампаду — и тебе открылось потаённое.

Если есть "Троица" Рублёва — значит, есть бессмертие. Образ Русского бессмертия — предвечная трапеза, где ангелы оставляют для тебя место за жертвенным столом. Твоя жертва — жизнь, связующая русские времена и сроки, смыкающая землю с небом. Будь верен до смерти, и ангелы дадут тебе венец жизни.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

РУССКАЯ ВЕРТИКАЛЬ

В СВОЁМ ОЧЕРКЕ "Бессмертный знаменосец" Александр Проханов высказывает самые сокровенные мысли о судьбе и миссии России. Всё это подобно пророческому видению и одновременно духовному завещанию. Это результат мысли о России длиною в жизнь. В этом очерке есть что-то предельное, финальное. Мыслитель, визионер, патриот, деятель доходит до последней черты и пытается заглянуть за неё, сделав шаг по ту сторону границы.

Что открывается Александру Проханову за последней чертой? Какова в этом абсолютном свете чистого созерцания миссия России? Проханов провозглашает окончательно, не оставляя места сомнениям: Русская идея — это бессмертие. Россия есть потому, что должно быть что-то в бытии, что свидетельствовало бы о неизменности изменчивого, о постоянности преходящего. Ницше говорил, что его цель состоит в том, чтобы наложить печать вечности на стихию времени. Миссия России, по Проханову, в том, чтобы наложить печать бессмертия на тленную ткань земного бытия.

Россия — это территория перехода между земным и небесным, между временным и вечным. Это врата, открытые в бессмертие. То же самое древняя традиция утверждала относительно Иерусалима — места, сквозь которое проходит вневременная вертикаль. Там открываются дороги, ведущие в рай и ад. Ведь бессмертие бессмертию рознь. Можно пойти по вертикали вверх, по маршруту Иоанна Лествичника, борясь на каждой ступени со злом, страстями, грехами и бесами. А можно и вниз, соскользнув плавно, как дети на санках, в огненные сады ада. Там тоже бессмертие.

Россия — Новый Иерусалим. В сакральной географии произошёл сдвиг. Задуман он был издревле, но осуществился в середине XV века. С той поры центром мира стала наша страна, наша церковь и наша держава, наш русский народ. Поэтому теперь вертикаль проходит через нас. Через наши земли, через наши сердца, через душу того, кто правит Россией. Теперь мы защищаем, как тамплиеры, доступ к вечности, охраняя истово и отчаянно саму вертикаль.

Смысл Иерусалима — Христос. Вся ветхозаветная история — ожидание Его. И оно сбылось. Прямо там, где было предсказано, — в Иерусалиме. Там и Вход Господень, там и Голгофа, там и пустая гробница со светлым Ангелом, спокойной и торжественно объявляющим жёнам-мироносицам: "Что ищите Живого среди мёртвых? Что оплакиваете Нетленного во тли? Идите и проповедуйте, так как воскрес Христос". В Иерусалиме, на вертикали, пронизывающей стрелой землю и открывающей сверху рай, а снизу ад.

Так было. Но потом христианами стали другие народы. Много стало, но мало осталось. Еретики отошли от вертикали, запутавшись в видениях, потом папезники, потом пали Новый Рим, Византия. И не осталось почти никого. Кроме русских. Все пали, а русские нет. Так и стоят на своём посту, куда их отправили в момент крещения в святом Днепре. И охраняют русские эту вертикаль, бессмертие.

Проханов, дойдя до пика своего личного бытия, отданного только одной возлюбленной — святой Родине, увидел это со всей ясностью героя, ясновидца, писателя.

Нет других идей, способных объяснить все наши страдания и все наши успехи, все наши провалы и все наши взлёты. Только лишь идея Русской вертикали.

РОССИЯ — зона доступа к бессмертию. И когда взгляд провидца обращается в сторону Русского будущего, он не может распространяться вдоль горизонтали. Там просто неизвестно что, и то, и другое, и вообще неважно, что будет с земной Россией. Важна лишь Россия Небесная, вечная, вертикальная. А с ней-то точно всё будет хорошо. Но как только взгляд в будущее надломлен, обращён внезапно и радикально вверх, всё изменится — разом и необратимо. Если хорошо будет с главным, то и Россия Небесная не зависит от апокалиптических перипетий, ведь в ней Победа достигнута раз и навсегда — "...Что ищите Живого среди мёртвых? Что оплакиваете Нетленного во тли? Идите и проповедуйте, так как воскрес Христос", то и с земной Родиной всё станется так, как надо, — причём независимо от того, будет ли мир продолжаться или уже нет (ведь всё дело идёт именно к этому). Важно сохранить верность вертикали — Христу, Его Кресту, нашему Кресту.

Чем ближе человек к смерти, тем свежее ветер бессмертия. Пока нас грызёт быт, нам кажется, что всё в порядке. Но смерть учит другому. Ничего не в порядке, если мы распластались по земле, как черви, и не можем возвести глаз к неизменно синему пышущему умной вечностью небу. Ничего не в порядке — и так быть не должно. Чтобы проводить в государственную правильную политику, надо сравнивать Россию только с раем. И в ужасе от такого сравнения рвать и метать, потому что планка слишком высока, и никакого снисхождения нет. Если мы — Третий Рим, если мы — Новый Иерусалим, то каждый русский просто обязан жить вертикально. Понятно, что ад тоже находится где-то рядом. И гул, идущий из его глубин, отчётливо чувствует каждая русская душа. Ведь это тоже часть бессмертия. Россия граничит не только с раем, но... и с адом. Об этом напоминать излишне, достаточно оглянуться вокруг. Но вот райские лучи — в них вся суть и вся ценность.

Наша задача сделать Россию Россией, то есть утвердить её как землю бессмертия, как землю живых.

Любые материальные чаяния и надежды — ничто перед истинной Русской идеей. Мы, русские, твёрдо стоим на стороне бессмертия.

А с другой стороны на нас надвигается наш же перевёрнутый дьявольский образ. Телесное бессмертия и вечной жизни только во плоти с опорой на грех и извращение жаждет современный богопротивный Запад. Отсюда — технология искусственного интеллекта и криогеника, генная инженерия и чёрные практики трансплантации. Запад тоже пребывает в погоне за бессмертием. Но это бессмертие ада. Пир вампиров и убийц.

Война на Украине — это схватка за бессмертие. На нашей стороне Христос, а на их стороне Антихрист. Материальность, секулярность, техника, экономика — всё это упразднено, второстепенно, не имеет больше значения. Это война вертикали между бессмертием и бессмертием. Тогда всё становится понятным и логичным: и их ненависть, и наша героическая воля к Победе. Победа русских — это победа небес, победа рая. И мы её добьёмся. Ведь Христос воскрес. Воскреснем и мы, и наши павшие, наши близкие, наша Родина.

Александр ДУГИН

ВЕЧНЫЙ РАССВЕТ

Блаженное созерцание «Троицы» Андрея Рублёва

своё плавное течение. Настоящее, минувшее и грядущее сомкнулись, и над земным шествием возникло шествие небесное. В нём угадывались русские святые и русские писатели, цари и князья, воины и труженики.

Шёл Дмитрий Донской в ратных доспехах. Шли Пересвет и Ослябя, облачённые в схиму. Шёл царь Иоанн, и лик его был не грозен, а смирен. Шёл Борис Годунов, и в ладонях его была россыпь драгоценных камней для украшения иконы. Шли те, кто оборонял обитель в пору Смутного времени и войны с Наполеоном. Шёл могучий Иван Аксаков, молясь о том, чтобы к "Троице" приложилась единая славянская семья. Шли в сюртуках и рсках преподаватели духовной академии, пострадавшие за Христа. И ещё великое множество тех, чьи имена ведомы только Богу, — тех, кому предстоит родиться.

Крестный ход — земной и небесный — внёс икону в собор. Первым с ней вошёл преподобный Андрей Рублёв. Он долго смотрел на своё творение, удивлялся тому, что подобное возможно явить в красках. Он видел, как древо превращается в живую плоть, краски претворяются в кровь.

На икону смотрел Достоевский. Смотрел детскими очами, какими когда-то впервые увидел её. Икона говорила с ним — каждым ангелом, каждой божественной ипостасью. Говорила словами Адама, что нарекал в райском саду всё

оружие. "Троица" открыла второй фронт, ополчила против врага все русские столетия, всю ратную мощь от копья и кольчуги до артиллерийского снаряда и танковой брони. "Троица" напитала сибиряков неодолимой силой, перед которой на фронте враг дрогнул.

На икону смотрел Андрей Тарковский. Он видел, как мир насыщается красками. Сквозь дым и пепел пожаращ, сквозь грозовые тучи, сквозь вражду и зависть, сквозь пошлость и мещанство, сквозь мертвенные полутона проступал истинный цвет жизни. Икона несла великое вдохновение, наполняла творцов и мыслителей. Икона была во всём осязаемом, видимом, слышимом, жила в звуке, в слове, в движении, в мысли. "Троица" была кладовой художественных миров и дерзновенных замыслов, благословляла человека на восьмой день творения.

На икону смотрел Юрий Гагарин и вспоминал, как первым из людей увидел Землю из Космоса, как первым вырвался за пределы планеты. Вспоминал полёт, что оказался не только прорывом науки, но и высвобождением духа. Космический полёт был врачеванием Земли: человек уносил с собой в беспредельное пространство её тысячелетние страдания, слёзы и печали многих поколений. У земной скорби была огромная сила притяжения, она не давала взлететь, рождала мучительные перегрузки. На одного легла ноша

РОССИЯ — ЗЕМЛЯ БЕССМЕРТИЯ

Ещё раз о миссии нашего государства

не создала Россию. Она — лишь внешняя форма давления, на которую Русь ответила не разрушением, а собиранием.

У Орды был порядок, но не цель. Россия приняла структуру, но вложила в неё смысл. Не подчинение, а служение. Не страх, а Благодать. Империя вышла не из кнута, а из глубины — через боль, но по своему пути.

Мирча Элиаде в "Мифе о вечном возвращении" писал, что исторический человек живёт в миссии, неисторический — в повторении; один оставляет след, другой растворяется. Россия не просто оставила след, она влилась в ткань времени, как дыхание в тело мира. Её присутствие неотделимо от самого существования цивилизации — не как власть, а как глубина. Не как структура, а как смысл.

В этом смысле Россия — иконографична. Её бытие устроено как древняя икона: плоскость, за которой открывается бесконечное. Она не пейзаж истории, не часть интерьера. Она — образ, в котором вечность становится зримой. Вспоминается обратная перспектива древнерусской иконы, где центр взгляда изобразённого — не в глубине, как на западной картине, а на смотрящем. Но, может быть, это только первый слой. Иногда лик святого на иконе смотрит чуть в сторону — как бы мимо тебя. Не на тебя, а на того, кто стоит рядом. На твоё духовное отражение, на тень твоей души. И в этот момент ты ощущаешь: тебя видят не внешне — тебя знают.

Россия — такая же. Она не просто "видится". Она — видящая. Она смотрит не в глаза, а в предназначение. И этим взглядом она делает человечество зримым самому себе. Её бытие — это не результат усилия, а плод избрания. Она не страдала себя — она была призвана. Потому её бессмертие — не дар, а неустранимое условие. Она не может исчезнуть, потому что её присутствие является необходимостью для самой матери истории.

ОНА ДЕРЖИТ равновесие — не силой, а весом. В моменты падения она не исчезала. Она сжималась до зерна — и снова начинала прорастать. В годы унижения она не растворялась — а собиралась в сгусток молчания, который становился прозрением. Её никогда не спасали внешние силы. Она всегда поднималась изнутри, как поднимается дыхание в груди живого человека.

Россия — не просто бессмертна. Она и есть бессмертие, проявленное в истории. Потому что её существование не может быть отменено. Оно не выдуманно — оно явлено. Сегодня это государство, имеющее границы, армию, флаг, язык, политическую волю и историческую плоть. Но всё это — лишь оболочка. Внутри — то, что не умирает. Форма вечного, принявшая очертания великой страны. Но что дальше? Бессмертие — не только способность не умирать. Это ещё и ответственность за вечность. Россия не может просто быть. Она должна нести.

Мир вступает в новую стадию хаоса. Упрощаются цивилизации, сжимаются смыслы, исчезают основания. Всё становится "сейчас" — без глубины, без долга, без стержня. И на фоне этого бесплотного века Россия снова должна стать вертикалью. Не для господства, а для напоминания. Что человек — не только потребитель. Что народ — не просто налоговая единица. Что история — не поток случайностей, а путь предназначения.

Россия не для того бессмертна, чтобы быть вечным туристом среди рухнувших империй. Её будущее — в предьявлении смысла. Она должна снова сказать миру: "Жить — значит служить. Жить — значит помнить. Жить — значит восходить". Это не идеология, не стратегия, не манифест. Это — её естественная речь, голос, который всегда звучал сквозь войны, утраты, пересборки, перерождения. И сегодня он звучит снова.

Россия — не проект. Она — напоминание о горне. Она не просто выживает. Она содержит то, что больше неё самой. И потому её бессмертие — не завершение, а начало чего-то, что ещё только должно произойти.

Роман МАКСИМОВ

На фото: Древо жизни. Белокаменная резьба Георгиевского собора в городе Юрьеве-Польском Владимирской области